

*Часы которые не
тикают*

Елена Комарева

18+

Алина Кошечкина

Часы которые не тикают

«Автор»

2026

Кошечева А.

Часы которые не тикают / А. Кошечева — «Автор», 2026

Мрачный нуар-детектив о городе, где люди научились не замечать друг друга — и о маньяке, который заставляет их «увидеть» жертву за 48 часов до смерти. Бывший следователь Лев Костин, прячущийся от собственных ошибок в пыльных архивах, вынужден вернуться к делу: убийца выбирает тех, кого город привык не замечать, и наказывает за равнодушие. Каждая жертва «проявляется» через фото с часами, стрелка на которых застыла навсегда. Чтобы поймать маньяка, Льву придётся не просто распутать улики — ему нужно снова научиться видеть людей. И понять: самое страшное в этом городе — не тьма, а привычка в ней ничего не замечать. Город. Туман. Застывшее время. И один человек, который должен снова начать слышать, как тикают часы.

© Кошечева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Фото номер ноль	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алина Кошечева

Часы которые не тикают

Пролог. Фото номер ноль

Я не должен был их хранить. Три фотографии. Три циферблата с римскими цифрами. Три стрелки, застывшие в разных положениях, будто время решило умереть по расписанию.

Они лежат передо мной на столе в моей пустой квартире, где даже пыль кажется виноватой. Свет от лампы падает косо, как будто боится смотреть прямо. За окном — тот самый бартовский туман, который не рассеивается к утру, а только густеет, налипает на стёкла, делает город похожим на старую, плохо проявленную плёнку.

Я смотрю на эти фото и пытаюсь вспомнить, когда впервые почувствовал, что город перестал дышать. Наверное, задолго до этих убийств. Ещё тогда, когда я сам решил перестать слышать чужие голоса и спрятался в архиве, среди папок с делами, которые уже никому не нужны.

Три года в архиве. Тысяча девяносто пять дней, если считать точно, а я всегда считаю точно. Мой архив — это комната в подвале управления, с окном на уровне тротуара, через которое видны только ноги прохожих. Они мелькают — в ботинках, в сапогах, в тапочках. Женские, мужские, детские. Иногда — собачьи лапы. Я знаю ритм этого тротуара лучше, чем ритм собственного сердца. Каждое утро в восемь двенадцать проходит женщина в бежевых ботинках на низком ходу. В восемь тридцать четыре — мужчина, который слегка волочит правую ногу. В девять ноль семь — подросток, который всегда останавливается прямо у моего окна и курит, и я вижу его кроссовки, шнурки на которых развязываются, но он никогда их не завязывает. Я хотел бы сказать ему, но я не открываю окно. Я вообще ничего не открываю. Я просто смотрю.

В архиве пахнет бумагой и временем. Не плесенью — именно временем. Тот запах, который появляется, когда что-то когда-то живое превратилось в строчки протокола, в дату, в номер дела. Я разбираю старые папки, и моя память делает это работу странной: я вижу не только текст, но и всё, что его окружало. Дрожание руки следователя, который писал протокол допроса по делу о краже 1987 года, — он был новичком, торопился, клякса на слове «признал». Кофейное пятно на странице дела о нападении 1994 года — кто-то пил кофе над бумагой, на которой чужое горе превратилось в формулировку. Подпись эксперта 2001 года — ровная, уверенная, человека, который верил, что правда уместается в одном абзаце.

Я помню всё. Каждую деталь, каждый штрих, каждый запах. Это не дар. Это болезнь, у которой нет названия, но есть симптомы: ты не можешь забыть лицо человека, который ошибся у кассы в магазине; не можешь стереть из памяти угол наклона головы незнакомца в автобусе; не можешь перестать видеть узор протектора на шине машины, которая проехала мимо тебя три года назад. Детали оседают в тебе, как ил на дне реки Куды, и ты не можешь их смыть.

Там, в архиве, было тихо. Там время шло по бумажным листам, а не по венам. Там я мог делать вид, что ничего не замечаю. Что я — просто человек, который разбирает чужие бумаги. Что я — не тот, кто однажды увидел так много, что перестал видеть главное.

Три года назад я был старшим следователем. Лучшим в управлении, если верить Северину, хотя он никогда не говорил это вслух. Я брал дела, которые другие списывали в нераскрытые. Я видел связи там, где остальные видели хаос. Я был уверен в себе так, как бывают уверены люди, которым ещё не объяснили, что уверенность — это не правда.

Дело было простым, как мне тогда казалось. Девушка, задушенная в собственной квартире. Двадцать три года. Звали её Алёна. Я помню её лицо с фотографии в деле — круглые щёки, родинка над правой бровью, взгляд чуть исподлобья, будто она кому-то не верит. Я

помню дату её рождения и дату смерти, помню цвет обоев в её комнате — бледно-жёлтый, с цветочками, — помню, что на кухонном столе стояла ваза с яблоками, и одно из них было надкушено. Я помню всё, потому что не умею забывать.

Подозреваемый — Сергей Климов, 31 год, сосед, ранее судим. Я был уверен. Его алиби рассыпалось, его показания противоречили друг другу, его следы нашли на лестничной клетке. Я шёл к нему с ордером, и я не сомневался ни на секунду. Вера предупреждала меня: «Ты видишь то, что хочешь увидеть». Я не послушал. Я был Лев Костин, и я не ошибался.

Климов повесился в СИЗО через четыре месяца после ареста. Тонкая полоска простыни, привязанная к трубе. Тихо, без записки. Когда мне сказали, я стоял в коридоре управления с кружкой кофе, и кофе остыл в моих руках, прежде чем я смог его поставить.

А ещё через год настоящий убийца Алёны — человек, которого я никогда не видел, не допрашивал, не подозревал, — попался на другом деле. Его звали Денис Лютин, и он работал в том же доме электриком. Я открыл его папку и увидел детали, которые видел тогда, три года назад, но не связал: показание соседки о мужчине в синей спецовке, который заходил в подъезд в день убийства. Я тогда записал это, но не придал значения. Не увидел. Потому что уже решил.

После этого я перестал доверять себе. Перешёл в архив. Стал смотреть на ноги прохожих и разбирать чужие протоколы. Думал, что спрячусь от деталей, но детали не ушли. Они просто стали тише, как звук телевизора, который выключили, но забыли выдернуть шнур.

И вот эти часы на фото. Они всё замечают. Они как приговор, напечатанный заранее.

Первая жертва — пенсионерка, которую соседи не видели двадцать лет, хотя она жила с ними на одной лестничной клетке. Я потом узнал её имя — Нина Фёдоровна Гущина, семьдесят один год. Тридцать лет на одном месте, вышивала салфетки, ставила их на подоконник, и никто из соседей никогда не постучал в её дверь. Вторая — бездомный, которого все обходили стороной у входа в магазин, будто он был не человеком, а трещиной в асфальте. Гена. Просто Гена, без фамилии, как написали в протоколе. Третья — ночная уборщица, которую никто не звал по имени, потому что не знал его. Люба. Она мыла полы в здании, где я сидел в архиве. Я видел её ноги в резиновых сапогах через моё подвальное окно. Каждый вечер, в двадцать один тридцать. Сапоги тёмно-зелёные, потрескавшиеся на левом, у большого пальца. Я видел её каждый день и ни разу не вышел, чтобы сказать «здравствуйте».

И над каждой из них — эти часы. Ровно за сорок восемь часов до смерти кто-то выкладывал фото, и время на нём совпадало с моментом убийства до минуты. Как будто убийца не просто убивал, а фиксировал: «Смотрите. Вот сейчас она есть. Вот сейчас её видно».

Я знаю, что это звучит как бред человека, который слишком долго сидел в темноте. Но я вижу детали. Я всегда их видел. Слишком хорошо. Это и сломало меня в прошлый раз.

Бартовск — город, из которого уезжают, но не уезжают. Будто есть что-то в его тумане, в его узких улочках, в жёлтых фонарях, что скорее подчёркивают темноту, чем разгоняют её, — что-то, что держит людей. Я родился здесь и всю жизнь собирался уехать. Но остался, как остаются в плохом браке: не из любви, а из страха, что нигде не будет лучше. Химкомбинат на окраине дышит на ладан, и его трубы в тумане похожи на пальцы, которые тянутся к небу, но не могут дотянуться. Старый центр с кирпичными домами XIX века медленно осыпается, и никто не ремонтирует фасады — только подкрашивают деревянные наличники, чтобы казалось, что дом ещё жив. Пятиэтажки стоят рядами, как зубы в челюсти, которой давно нужен протез, но никто не идёт к врачу.

Я живу на окраине, в однокомнатной квартире, где обои отходят от стен, как кожа от ожога. Кровать у окна, стол у стены, холодильник на кухне, в котором обычно стоит начатая бутылка водки и пакет с хлебом. Я не пью каждый день. Но каждый вечер я наливаю себе одну кружку — не больше, — и пью медленно, глядя в окно, за которым ничего не видно, потому что туман. Я делаю это, чтобы уснуть, потому что без водки я лежу и вижу детали: тень на

стене, узор обоев, трещина в потолке, которая похожа на реку на карте. И каждую деталь я запоминаю. И каждую деталь я не могу забыть.

Севрин позвонил сегодня днём. Голос у него был такой, будто он сам не верил, что делает это. «Есть дело. Мне нужен ты». Я хотел сказать «нет». Хотел сказать, что я больше не тот, кто нужен. Что я разучился видеть дальше собственного стыда.

Но потом он прислал мне новое фото. Четвёртое. Те же часы. Тот же застывший циферблат. И я понял: если я не пойду туда, если не попробую снова увидеть то, что другие пропускают, следующая жертва станет четвёртой не только на фото, но и в реальности. А я уже знаю, каково это — жить с тем, что ты ошибся.

Сейчас я сижу здесь и раскладываю эти три фото, как карты, которые должны что-то предсказать. Но они не предсказывают будущее — они показывают прошлое, которое я пытался не замечать.

Город Бартовск не любит, когда на него смотрят. Он прячет свои шрамы в тумане, свои преступления — в тишине подъездов, свои жертвы — в списках тех, кого никто не хватится. Но убийца делает их видимыми. На короткое, жестокое время.

А я должен стать тем, кто увидит убийцу. Не потому что я лучше других. А потому что хуже меня уже некуда.

Завтра я вернусь в угрозыск. Завтра я снова начну смотреть. И пусть эти часы не тикают — я должен услышать, как бьётся сердце города, пока оно ещё бьётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.